

Паранук

На правах рукописи

ПАРАНУК Кутас Нуховна

**МИФОПОЭТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ МИРА
В СОВРЕМЕННОМ АДЫГСКОМ РОМАНЕ**

10.01.09 – Фольклористика

10.01.02 – Литература народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Майкоп – 2006

Работа выполнена на кафедре литературы и журналистики Адыгейского государственного университета

Научные консультанты: доктор филологических наук,
профессор **Шаззо К.Г.**
доктор филологических наук,
профессор **Панеш У. М.**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **Чекалов П.К.**
доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института
мировой литературы РАН **Алиева А.И.**
доктор филологических наук,
профессор **Баков Х. И**

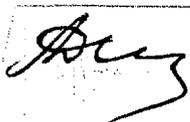
Ведущая организация: Адыгейский республиканский институт
гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева

Защита состоится «6» июля 2006 г. в «11» часов на заседании Диссертационного совета Д 212.001.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Адыгейском государственном университете по адресу: 385000, г. Майкоп, ул. Университетская, 208.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Адыгейского государственного университета

Автореферат разослан «5» июня 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

Демнина Л.И.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Неомифологизм XX века, синтезирующий в своей системе разновременные традиции (миф, ритуал, фольклор), стал явлением примечательным и для зарубежной и отечественной литератур, в том числе как развитых, так и сравнительно молодых национальных литератур.

Мифопоэтическая традиция была особенно значимой для адыгских литератур с самого их зарождения, так как в силу отсутствия письменности до той поры основной базой развития были фольклор, эпические традиции параллельно с мировой классической и русской литературой. Обращение же конкретно к мифу стало характерным явлением лишь для литературы современного периода (особенно за последние несколько десятилетий XX века) в близкородственных адыгских (черкесских) литературах, имеющих общие этногенетические корни.

Миф решительно вторгся в семантическое и структурное поле адыгского романа последних двух десятилетий, обогатив его поэтику и обусловив определенные трансформации в стиле, сюжете, образостроении, жанровых модификациях и т.д. Богатейший фольклорно-мифологический контекст современного адыгского романа, наличие в нем архетипов, мифологем, бинарных оппозиций, мифоструктур диктует необходимость углубления системного исследования современного романа, подключения, помимо историко-литературоведческого анализа, еще и других подходов: психоаналитического, структурно-семиотического, ритуально-функционального.

В последнее время наблюдается тенденция к рассмотрению мифологизма и фольклоризма с позиции взаимодействия мифа, фольклора и литературы как частей единой метасистемы, базирующейся на общих законах словесного творчества и мифотворчества. При таком подходе генетический аспект проблемы становится составным элементом более глобального исследования мифо-фольклорно-литературных отражений и взаимосвязей. Неомифологизм XX века, для которого характерен синтез разновременных традиций (миф, ритуал, фольклор) и возрождение в авторском мифотворчестве глубинных структур и механизмов, требует от исследователя синтетического подхода к изучению проблемы генетической преемственности и типологических соответствий. В связи с этим возникает потребность использовать в изучении проблемы мифо-фольклорно-литературных взаимосвязей не только фольклористические и литературоведческие аспекты, но и психоаналитиче-

ский метод исследования для выявления философско-психологических сторон проблемы мифотворчества. Использование этого метода позволяет выявить имплицитный мифологизм отдельных авторских образов и мотивов, строго разграничить проявление мифологического и фольклорного, исследовать процесс их взаимодействия в авторском тексте.

При исследовании проблемы мифотворчества в современном адыгском романе мы опираемся на работы отечественных и зарубежных авторов, внесших весомый вклад в развитие как литературоведческой, культурологической, философской наук о мифологии, так и психоаналитической школы, подвергавшейся ранее критике. Но конец XX века, продемонстрировавший интеграцию в самых различных сферах общественной жизни, коснулся и науки, стремившейся к синтезу достижений в различных отраслях человеческого познания. Подобная интеграция оказывается весьма перспективной, обнажая на ее стыках глубинные, доселе неисследованные пласты. К примеру, современные теории мифа позволяют совершенно по-новому, в ином мифологическом ключе, прочесть тексты, обнажающие за архетипами, символами, мифоструктурами совершенно новый, неисследованный мир онтологических основ мифа.

В настоящее время созрели все предпосылки для комплексного изучения фольклорно-мифологического контекста современного романа и особенностей его мифопоэтики.

Теория архетипов способствует различению случаев подсознательно проявления мифологизма от сознательной установки автора на мифологизм. Систематизация образов на основе архетипов и установление путей их реализации в тексте дают возможность проследить во времени эволюцию авторского стиля и мышления, принципы трансформации традиционных элементов и закономерности творческого освоения фольклорно-мифологических образов, мотивов, сюжетов.

Вполне очевидна необходимость комплексного изучения проблемы мифопоэтических и литературных взаимосвязей с включением достижений указанных выше подходов. Это позволит выявить не только очевидные, лежащие на поверхности связи мифа и художественного текста, но и обнаружить глубинный слой мифологических структур и архетипов, а также в каждом конкретном случае дифференцировать уровни мифопоэтики, выявить функциональную значимость мифа в содержании и структуре литературного произведения.

В этой связи исследование мифопоэтики современного романа и особенностей мифотворчества авторов, обуславливающих характер художественного образа мира, представляется нам особенно актуальным.

Об актуальности данной проблемы говорят и известные адыгские литературоведы. Профессор Л.А. Бекизова отмечает: «... проблемы выявления в тех или иных жанрах адыгских литератур общих для адыгов мифологических традиций поможет определить стилеобразующую роль мифа в литературе и то, как реализуются в них нравственные, философские и эпические представления адыгов» [Л.А. Бекизова 1974, с.53]. Профессор Ю. Тагазитов констатирует, что в связи с взаимодействием фольклора и литературы в современном литературоведении обсуждается также проблема становления жанровой системы в национальных литературах, причем как в развитых, так и в молодых. О непреходящей актуальности проблемы «фольклор и литература» говорит профессор К. Шаззо в своих размышлениях об этапах развития адыгейской литературы. Соответственно определяются цель и задачи исследования, выявляющего как закономерности усвоения мифопоэтической традиции в индивидуальной авторской системе, так и особенности авторского мифотворчества.

При исследовании особенностей художественного мифологизма современного адыгского романа нами предполагается рассматривать адыгские литературы как некую литературную целостность, функционирующую в северокавказском регионе, одновременно не упуская из виду более широкий контекст, распространяющийся и на общероссийскую, и на мировую литературу. Объективность такого подхода к исследуемым явлениям диктуется общностью исследуемых литературных процессов и явлений, обнаруживающих типологические схождения вне зависимости от места и времени их проявления.

Вполне очевидно, что для исследования подобной региональной литературы и выявления как общих закономерностей развития, так и их особенностей, необходимо сочетание синхронного и диахронного подходов.

Объект исследования – романы Т. Керашева, А. Кешокова, Т. Адыгова, М. Эльберда, И. Машбаша, А. Евтыха; а также современных авторов: «Сказание о Железном Волке» Ю. Чуюко, «Черная гора», «Вино мертвых» Н. Куека, «Каменный век» Х. Бештокова, «Абраг» Д. Кошубаева.

Предмет исследования – мифопоэтика современного адыгского романа, ее концептуальное значение и функции в создании художественного образа мира.

Задачи исследования.

1. Изучить полифункциональность мифа, его содержательную и структурообразующую функции в романе.

2. Выявить роль мифопоэтики в сюжетостроении, жанрообразовании и формировании различных жанровых модификаций.

3. Рассмотреть роль мифопоэтики в образостроении.

4. Исследовать наиболее часто встречающиеся образы и мотивы, мифоструктуры, архетипы, мифологемы, бинарные оппозиции, то есть составляющие мифологизма.

5. Проанализировать различные способы мифологизирования в связи с такой литературоведческой категорией, как традиция, и в соответствии с этим дифференцировать творчество «традиционалистов» и «неомифологизм» в стиле современных романистов.

6. Обозначить различные способы мифологизации в художественном тексте каждого конкретного автора и характер мифологизма в произведениях отдельных авторов в сочетании с творческим методом, используемым ими в каждом конкретном случае.

7. Выявить роль мифа и эпоса в создании целостной национальной картины мира и выражении национального мировидения и мироощущения. Определить роль и функции в моделировании национальной картины мира.

В решении этих задач автор видит определенную теоретическую значимость и научную новизну работы.

Теоретическая значимость исследования. Диссертационное исследование восполнит определенный пробел в изучении адыгского романа в плане его фольклорно-мифологического контекста и мифологической идентификации структуры современного романа, в том числе позднейшего его этапа.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее материалы могут быть использованы в общих курсах «Устное народное творчество», «История и теория новописьменных литератур», «Теория литературы», а также при чтении лекций по фольклору и литературе адыгов, при разработке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам взаимоотношений мифа, фольклора и литературы; вопросам особенностей развития адыгского романа на современном этапе, а также общим проблемам психологии творчества и мифотворчества.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые рассматривается мифопоэтика современного адыгского романа, целе-

направленно и последовательно прослеживается влияние мифопоэтики на содержательную и структурную основу романа, характер и формирование в нем художественного образа мира.

Данная диссертация является первой попыткой синтезированного исследования современного адыгского романа одновременно по трем направлениям: литературоведческому, фольклористическому и философско-психологическому.

В работе впервые выявлены, систематизированы и классифицированы базовые источники сквозных авторских образов и мотивов – универсальные архетипы, а также архетипические структуры сюжетных схем отдельных авторских текстов, обнаружены принципы авторского моделирования и их соответствие с принципами моделирования в мифе.

В данной работе предпринимается попытка дать типологическую классификацию способов использования мифа в современном адыгском романе в контексте отечественной и мировой литературы XX века.

Степень научной разработанности. Для решения обозначенных в исследовании задач и выявления влияния мифопоэтики на содержание и структуру современного романа и формирование художественного образа мира необходимо было учесть данные исследований в различных областях знаний: мифологии, фольклора, литературы, лингвистики, истории, культурологии, этнографии, психологии, философии.

Генезис адыгского романа вообще и структурные его особенности являлись в той или иной степени предметом изучения в монографических исследованиях ряда литературоведов: Е.М. Шабановой «Тембот Керашев» (Майкоп, 1959); Х.Х. Хапсирокова «Пути развития адыгских литератур» (Черкесск, 1968); Л.А. Бекизовой «От богатырского эпоса к роману. Художественные национальные традиции и развитие повествовательных жанров адыгских литератур» (Черкесск, 1974); А.Х. Хакуашева «Адыгские просветители» (Нальчик, 1978); М.Ш. Кунижева «Истоки нашей литературы» (Майкоп, 1978); Р.Г. Мамия «Пути адыгейского романа» (Майкоп, 1977) и «Вровень с веком» (Майкоп, 2001); К.Г. Шаззо «Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах» (Тбилиси, 1978); Т.Н. Чамокова «В ритме эпохи» (Нальчик, 1986) и «В защиту человека» (Майкоп, 1992); Ю.М. Тхагазитова «Адыгский роман» (Нальчик, 1986), «Духовно-культурные основы кабардинской литературы» (Нальчик, 1994) и «Эволю-

ция художественного сознания адыгов» (Нальчик, 1996); А.А. Схалыхо «Идейно-художественное становление адыгейской литературы» (Майкоп, 1988) и «На путях творческого поиска» (Майкоп, 2002); У.М. Панеша «Типологические связи и формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур» (Краснодар, 1990); А.Х. Мусукаевой «Северокавказский роман: художественная и этнокультурная типология» (Нальчик, 1993); А. Камбачоковой «Адыгский исторический роман» (Нальчик, 1994).

Вопросы литературно-фольклорных взаимосвязей рассматривались глубоко в монографических исследованиях У.Б. Далгат «Литература и фольклор. Теоретические аспекты» (Москва, 1981), «Этнопоэтика в русской прозе 20 – 90-х гг. XX века (Экскурсы) – Москва, 2004, а также региональных литературоведов Л.А. Бекизовой, Ю.М. Тхагазитова, В.Б. Тугова. Исследователи адыгского романа справедливо отмечают, что адыгский роман генетически восходит к эпосу «Нарты». Разные теоретические аспекты изучения фольклора стали предметом тщательнейшего исследовательского внимания в работах А.И. Алиевой, З. и М. Кумаховых, А.М. Гутова, Ш.Х. Хута, А.А. Ципинова.

Исследованию адыгской мифологии посвящены основательные труды А.Т. Шортанова «Адыгская мифология», М.И. Мижаяева «Мифологическая обрядовая поэзия». В монографии А.А. Ципинова «Мифопоэтическая традиция адыгов» подвергается системно-аналитическому исследованию адыгская мифопоэтическая традиция, ее структурный состав, жанровые образования. В частности, автор выделяет следующий ряд разностадийных жанров мифопоэтической традиции: мифы, нартские сказания, предания, сказы, легенды, мифы-былички, былички и бывальщины.

Одной из первых работ, посвященных исследованию романа в соотношении с фольклором в означенном регионе, является монография Л. Бекизовой «От богатырского эпоса к роману» (1974), где автор исследует особенности и характер фольклорных истоков в романе.

В работе В. Тугова «Фольклор и литература абазин: динамика взаимодействия» (2003) прослеживаются особенности фольклорно-литературных взаимосвязей, включающих довольно обширный обзор мифо-фольклорного контекста абазинской литературы на протяжении всех этапов ее развития. В ней определяется жанровая система абазинского фольклора, особенности поэтики и эволюции каждого жанра, устанавливаются пути возникновения и формирования письменной литературы, вы-

являются характер и формы влияния фольклорных традиций на становление и развитие письменного художественного слова.

Проблема соотношения мифопоэтического и литературного художественного сознания стала предметом исследования монографии Ю. Тхагазитова «Эволюция художественного сознания адыгов» (1996), где миф – эпос – этикет рассматриваются как системообразующие факторы литературы на всех этапах ее развития. Ю. Тхагазитов впервые в адыгском литературоведении обозначил новую методологию, новые подходы в исследовании мифопоэтических истоков современного адыгского романа, в частности – разграничение таких принципиально важных вопросов для анализа особенностей мифологизма, как мифологическое и мифопоэтическое сознание. Однако анализ проведенного им исследования базируется, в основном, на кабардинском материале и заканчивается обзором литературы 80-х годов. Таким образом, адыгский роман последних двух десятилетий XX века ни разу еще не являлся предметом специального исследования в плане обозначенной нами проблемы, есть лишь фрагментарные осмысления данной проблемы в общем контексте отдельных работ (в частности, докторская монография В. Бигуаа «Абхазский исторический роман. История. Типология. Поэтика», 2003 г., кандидатские диссертации Приймаковой Н. «Жанрово-стилевое богатство современного адыгского романа об историческом прошлом», 2000г., Аутлевой Ф. А. «Взаимосвязь фольклорно-эпического и литературного сознания в художественном осмыслении нравственно-философских проблем современного адыгского романа (диалогия «Баржа» и «Бычья кровь» А.Евтыха, «Сказание о Железном Волке» Ю. Чуйко).

Тем временем именно в последние два десятилетия в адыгских литературах четко обнажилась тенденция тяготения романа к неомифологизму, очередному возвращению и более глубокому погружению в мифопоэтические истоки. Именно этим объясняется выбор темы данного исследования, посвященного мифопоэтике и ее концептуальному значению в миромоделировании современного адыгского романа.

Методологической и теоретической основой диссертации являются труды общепhilософского, культурологического и общепhilологического характера – М. Бахтина, В. Виноградова, Г. Гачева, И. Ильина, Ю. Лотмана, А. Потебни, Г. Федотова, П. Флоренского; работы из области теоретического и исторического литературоведения – В. Белинского, А. Весе-

ловского, Л. Гинзбург, М. Голубкова, С. Кормилова, Д. Лихачева, Ю. Тынянова; труды ведущих исследователей мифологии и фольклора – С. Аверинцева, В. Гацака, У. Далгат, К. Леви-Стросса, Дж. Кэмпбелла, А. Лосева, Ф. Кессиди, Е. Мелетинского, В. Проппа, В. Топорова, Э. Тейлор, М. Элиаде, К. Юнга, а также исследования северокавказских ученых – А. Алиевой, Л. Бекизовой, А. Гадагатля, Г. Гамзатова, А. Гутова, З. Джапуа, Л. Егоровой, Ш. Инал-Ипа, С. Зухбы, М. Кунижева, Р. Мамия, З. Налоева, У. Панеша, Ш. Салакая, А. Схалыхо, З. Толгурова, А. Хакуашева, Р. Хашхожевой, Ш. Хута, Т. Чамокова, П. Чекалова, К. Шаззо, Е. Шибинской, А. Шортанова, Ю. Тхагазитова, Х. Хапсирокова, М. Эфендиевой.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Мифологические референции были присущи адыгскому роману на всех этапах его развития. Однако усвоение мифопоэтической традиции на ранних этапах носило поверхностный характер.

2. Современный адыгский роман содержит в себе богатейший фольклорно-мифологический контекст. Характер его мифологизма позволяет говорить о неомифологизме, ставшем примечательным явлением для всего мирового литературного процесса XX века. Это проявляется в новом характере усвоения мифопоэтической традиции, выражающемся как в ремифологизации, восторженно-романтическом отношении к традиции, так и демифологизации (травестии, пародировании, антимифа), а также в авторском мифотворчестве.

3. Мифопоэтика существенно повлияла на содержательную и структурную основу современного адыгского романа. Концептуальное значение мифа выразилось в образостроении, в жанрообразующей, в сюжетообразующей, в моделирующей функциях.

4. Влияние мифопоэтики на жанрообразование выразилось в формировании новых жанровых модификаций: роман-миф, роман-притча, философско-мифологический роман, историко-мифологический роман.

5. Пространственно-временной континуум современного адыгского романа имеет сложную многоуровневую структуру. Мифопоэтика обусловила создание цельной картины мироздания, сформировала представление о материальном и духовном единстве мира. Мифологемы первоэлементов космоса: земли, воды, огня, воздуха - цементируют воедино картину мироздания, символизируют целостность происходящих в нем процессов и формируют совокупный художественный образ мира.

6. В основе мифопоэтического миромоделирования в современном адыгском романе лежит мифозпическая модель мира. Художественный образ мира, воспроизводимый в современном адыгском романе, имеет выраженный мифопоэтический характер и отражает все основные духовно-нравственные парадигмы и общественно-социальные характеристики национального бытия. Вместе с тем модель национального бытия обнаруживает тяготение к общечеловеческой модели – универсуму.

Апробация результатов исследования осуществлялась через публикацию его основных положений в научных работах. Основные положения диссертационного исследования излагались на Первой Международной научно-практической конференции «Кавказ сквозь призму тысячелетий. Парадигмы культуры» (Нальчик, 2004), Международной научной конференции «Концептуальные проблемы литературы: Художественная когнитивность» (Ростов н/Д, 2004), Международной научно-практической конференции «Кавказский текст: Национальный образ мира как концептуальная поликультурная система», (Пятигорск, 2005), Международных Ломидзевских чтениях (Москва, 2005). Они опубликованы в монографиях: «Иду к Человеку: Размышления о творчестве Нальбия Куека» (Майкоп, 2004. – 7 п.л.), «Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе» (Майкоп, 2006. – 20 п.л.); в статьях и тезисах, напечатанных в сборниках и журналах, издаваемых в Майкопе, Краснодаре, Армавире, Ростове н/Д, Москве. Материалы и результаты исследования по главам и в целом обсуждались на расширенном заседании кафедры литературы и журналистики АГУ.

Структура диссертационной работы. Диссертация состоит из теоретического введения, трех глав, заключения и библиографии.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор и актуальность темы, выявляются особенности развития адыгского романа и динамика его связей с мифозпической традицией, определяется методология анализа, формулируются цель и задачи исследования и комплекс выносимых на защиту положений, характеризуются теоретическая и практическая значимость работы, научная новизна ее идей и выводов.

В первой главе «**Влияние мифопоэтики на духовно-нравственные основы современного адыгского романа, его сюжетостроение и жанрообразование**» исследуется влияние мифопоэтики на содержательную ос-

нову современного адыгского романа, рассматривается характер осмысления глобальных проблем современности через использование онтологических основ мифа, прослеживается роль мифопоэтики в сюжетостроении и жанрообразовании, выявляются традиционные мотивы и способы их реализации в художественном контексте, определяются типы мифологизма в творчестве рассматриваемых авторов.

Мифологизм стал характерной чертой для литературы XX века. Литературоведы констатируют, что в самой общей форме литература ищет в мифологии модель мира и человека, новые качества художественного моделирования действительности.

Художественный мифологизм в той или иной степени присущ творчеству Ч. Айтматова, О. Чиладзе, Т. Пулатова, В. Астафьева, В. Белова, С. Алексеева, В. Распутина, Б. Шинкубы, М. Булкаты и др. Процессы неомифологизма в современной литературе особенно актуализируются в 80 – 90-е гг. В творчестве Л. Костомарова, В. Пелевина, А. Кима, Х. Бештокова, Н. Куека, Д. Кошубаева наблюдается широкое варьирование самых разнообразных способов и приемов мифологизирования.

Обращение современного адыгского романа к мифу и его онтологическим основам имеет свои логические мотивы и причины. Последние два десятилетия привнесли изменения в сознание общества, которое более раскрепостилось с обретением больших свобод в национальном самосознании. Абсолютное большинство романов современных авторов обращено в прошлое, в том числе историческое, квазиисторическое, мифическое. Что касается художественного сознания, то оно всегда стремилось к воспроизведению соотношений: история – человек – космос или время – человек – вечность. На пересечении двух веков и тысячелетий растет стремление авторов к осознанию себя и своего места во Вселенной и осмыслению исторического пути, пройденного народами. Подобная гиперболизация смыслов и уровень обобщения потребовали новых художественных средств воплощения идей. И вполне естественно, что для писателей вновь актуальными стали мифы, ритуалы, древние символы, обряды.

Мифологические референции на уровне отдельных образов, мотивов, тем были присущи адыгским литературам на всех этапах их развития.

1.1. Мифопоэтическая традиция и адыгский роман, этапы развития и уровни мифо-фольклорной ориентации. Обзорно рассматривается характер мифологических референций в творчестве «традиционалистов»

(Т. Керашева, А. Кешокова, Т. Адыгова, М. Эльберда, И. Машбаша, А. Евтыха). Обзорный способ анализа этого этапа обусловлен тем, что он являлся предметом подробного анализа адыгских литературоведов в аспекте литературно-фольклорных взаимосвязей.

Адыгский роман как жанр новописьменной литературы существует не так уж долго – неполный век. Говоря о становлении и развитии адыгского романа в его взаимосвязях с фольклором, исследователи (в частности, Ю. Тхагазитов) выделяют два этапа: первый связан с 20 – 30 гг., когда появились первые адыгские романы: («На берегах Зеленчука» Х. Абукова (1930), «Зарево» М. Дышекова (1934), «Шамбуль» Т. Керашева (1937); второй – с 60 – 80 гг., когда жанр романа получает бурное развитие. Поиски новых путей развития адыгского романа связаны с именами А. Шогенцукова («Камбот и Ляца») и Т. Керашева «Одинокий всадник»). Романы 60 – 80-х гг. «Вершины не спят» А. Кешокова, «Щит Тибарда» Т. Адыгова, «Страшен путь на Ошхамахо» М. Эльберда, «Сто первый перевал» И. Машбаша, «Баржа» и «Бычья кровь» А. Евтыха свидетельствовали о новом отношении к фольклорно-мифологической традиции, способам ее усвоения и трансформации. Несмотря на то, что характер и динамика взаимодействия литературы и фольклора менялись на протяжении двух этапов развития, все же фольклор оставался одним из ее основных источников, а адыгский роман, как и вся литература, базируется на эпосе «Нарты» – одном из самых древних и феноменальных явлений мирового эпоса, к тому же впитавшем в себя древнюю адыгскую мифологию.

В конце XX века в литературе происходят бурные процессы, позволяющие, по нашему убеждению, говорить о начале третьего этапа – неомифологизма в рамках взаимодействия романа с мифо-фольклорным началом. Именно в этот период роман выходит на активное и разноплановое взаимодействие с мифом, обозначившим новые возможности жанра в аспекте многообразия его модификаций, образостроения и структурирования. Романы Х. Бештокова «Каменный век» (1985), Н. Куека «Черная гора» (1997) и «Вино мертвых» (2002), Ю. Чуюко «Сказание о Железном Волке» (1993), Д. Кошубаева «Абраг» (1999) стали свидетельством не только значительных достижений адыгских литератур именно в этом жанровом образовании, но и приобщили их к наиболее заметным процессам, происходящим в мировой литературе.

1.2. Неомифологизм современного адыгского романа. В поле исследовательского внимания находятся вопросы влияния мифопоэтики на духовно-нравственные основы романа, осмысление глобальных проблем современности: человек и история, человек и природа, человек и космос – через обращение к онтологическим основам мифа.

Обращение к мифу становится для адыгского романа устойчивой традицией, проявляющейся не только в романах об историческом, квази-историческом, мифическом прошлом («Черная гора» и «Вино мертвых» Н. Куека, «Каменный век» Х. Бештокова), но и в тех романах, где сопряжены современность и реальная история («Сказание о Железном Волке» Ю. Чуюко, «Абраг», Д. Кошубаева).

Творчество этих авторов синтезирует в себе одновременно разнохарактерные традиции, опираясь как на народный миф, так и на традиции русской и мировой литературы, и обнаруживает типологические сходжения, интертекстуальные связи и «внутреннюю переключку» с отечественными и зарубежными авторами: Ч. Айтматовым, О. Чиладзе, В. Астафьевым, В. Беловым, С. Алексеевым, Б. Шинкубой, М. Булкаты, А. Кимом, Т. Манном, Г. Маркесом, А. Карпентьером, Дж. Джойсом, Дж. Апдайком.

Этот этап примечателен решительным вторжением мифопоэтики в семантическое и структурное поле современного адыгского романа. Разнообразны и творческие методы, стилевые течения, в которых востребован мифологизм: от реалистического романа с элементами мифологизма до философско-мифологического романа, постмодернистского романа-мифа. Это обстоятельство побуждает нас вернуться к вопросу о традициях и стилевых течениях литературы XX века, отразившихся и в художественном процессе новописьменных адыгских литератур.

Все чаще в литературе появляются притчевые («параболические») формы повествования, в художественном тексте присутствуют мифы, легенды, сказания, несущие как семантическую, так и структурирующую функции.

Заявивший о себе исторический роман новой жанровой модификации имел характерную особенность – ярко выраженное мифопоэтическое начало.

Обнаруживаемое тяготение этого жанра к мифологизации имело ряд причин: диалектика национального и общечеловеческого, стремление соединить в единый поток настоящее с прошлым. Авторы стремились преодолеть границы традиционных тем и выйти к широкомасштабному художественному исследованию глобальных проблем современности: война и

мир, человек и история, человек и природа. Для решения столь глобальных задач как нельзя лучше подходил миф с его универсальным общечеловеческим смыслом и целостным восприятием мира.

Примечательной особенностью современного адыгского романа является широкий диапазон его жанровых модификаций: роман – притча («Сказание о Железном Волке» Ю. Чуюко), роман-миф («Каменный век» Х. Бештокова, «Черная гора» и «Вино мертвых» Н. Куека), роман-мистерия («Абраг» Д. Кошубаева). Они обусловлены востребованностью мифопоэтики.

В данной главе подробно рассматриваются романы обозначенных авторов в той последовательности, которая отражает степень мифологизации их произведений по возрастающей.

Роман «Сказание о Железном Волке» (1993 г.) Юнуса Чуюко был одним из первых в адыгейской литературе опытом обращения к мифу как средству семантической и структурной организации текста. Это роман о современности и, одновременно, о прошлом, где реалистическое повествование о духовно-эстетических парадигмах эпической культуры адыгов сопрягается с мифоэпическим сказовым началом. Уже само название романа сразу же заявляло об обращенности к мифоэпической традиции, и это было первой его особенностью. Вторая же особенность заключалась в том, что вынесенное в название сказание не «зависало» само по себе условно, было не просто приемом, а «работало» в качестве структурирующего фактора в контексте произведения.

То, что роман и поднятые в нем проблемы находятся в центре духовно-нравственных поисков современности, было очевидно по тем широким откликам, которые последовали сразу же за его опубликованием. Писатель с поразительной искренностью и открытостью заговорил о многом из прошлой истории, о чем раньше не принято было говорить, в первую очередь, о Кавказской войне XIX столетия. За всем тем, что пишет Ю. Чуюко о прошлом и настоящем, стоит народное мироощущение, и именно этот пласт позволил автору найти позитивные точки соприкосновения в такой важной проблеме, как Восток – Запад, Россия – Адыгея, прошлое – настоящее.

В повествовательно-событийный сюжет романа органично вплетается огромное количество народных сказаний, преданий, песен, обрядов, ритуалов и других жемчужин народной мудрости, которые используются как на уровне внешнего приема (орнаментальной функции), так и концептуально.

Богатый и разнообразный фольклорно-мифологический контекст романа широко апеллирует к нартским сказаниям, народным песням, притчам, пословицам, поговоркам, народным поверьям, созвучным мифопоэтическому сознанию. Но мифы занимают в романе доминирующее положение по сравнению с другими фольклорными источниками. В контексте романа представлены мифы о Железном Волке, об Удачливом всаднике, миф-предание о двух кузнецах. Но самым значимым по своим функциям и концептуальности является центральный миф-сказание о Железном Волке, обозначенном в названии романа. Многоплановое эпическое повествование о жизни, быте, нравах адыгов, данное в просторном контексте современного бытия России, содержит в себе широкие экскурсы в прошлое, историю адыгов, раскрывает непростые взаимоотношения России и Кавказа. Характерно, что для воспроизведения исторического прошлого автор привлекает достоверные исторические документы: «Перед национальной катастрофой. Приезд царя Александра II к абадзехам» и «Даховский отряд на Южном склоне Кавказских гор в 1864 году».

Идея цикличности истории, столь характерная для мифологического сознания, выражена в романе ситуационными повторами, имеющими место в первой части (трагические картины Кавказской войны XIX в., разорение адыгских аулов в 60-е годы XIX в.) и во второй части (вынужденное переселение адыгейских аулов в 70-х годах XX в. в связи со строительством искусственного водохранилища).

Через историю семьи Мазлоковых на протяжении трех поколений – Хаджекыз - Бирам - Сэт – писатель ведет широкое эпическое повествование о своем народе, его прошлом, настоящем и будущем, о нравственно-эстетических парадигмах национального духа. И при этом реалистическое повествование в романе успешно сопрягается с мифопоэтическим, сказовым началом. Характерно, что в романе огромное внимание уделяется адыгскому этикету, «адыгству» – незыблемому своду законов нравственности, испокон веков формировавшему и регулировавшему человеческие отношения в адыгском сообществе.

В работе отмечается, что традиционный прием сюжетостроения на фольклорной основе претерпевает в романе значительную трансформацию, выливаясь в виртуозное композиционное воплощение, что обращение автора к мифу в качестве семантического и структурирующего фактора, его новаторские художественно-стилевые решения способствовали

формированию большого эпического повествования синтезированного жанра – историко-философского романа.

Нальбий Куек является одним из ярких самобытных авторов, творческие поиски которого сопряжены с многообразными способами и приемами мифологизирования. В его романах «Черная гора» и «Вино мертвых» предстала вся национальная история адыгов как единый целостный организм в повествовании, в котором сопрягаются прошлое, настоящее и будущее адыгов. В романе «Черная гора» автор обращается к мифу и его онтологическим основам для художественного исследования такой вечной философской дилеммы, как «добро и зло». Оно ведется в двух аспектах: общем, абстрактно-философском истолковании, и конкретном, художественном изображении событий через призму Кавказской войны XIX века. Творческая концепция автора требовала соответствующих неординарных форм и жанрово-стилевых решений. Структурообразующим началом романа становится ассоциативный ряд образов, символов, ощущений. Действие же происходит в двух планах: реальном физическом мире, и ирреальном, вне времени и пространства.

Неомифологизм «Черной горы» выразился в сочетании глубокого философского содержания с мифологическим началом, синкретизме жанрово-стилевых форм, не укладывавшихся в привычные каноны. Присутствие в произведении крупных философско-духовных проблем, развернутых мифо-эпических пространств, осмысление национальных и общечеловеческих проблем позволяют считать его философско-мифологическим романом.

Авторская контаминация реалистического и мифологического начал приводит к образованию сложнейшей многоплановой, многоуровневой структуры произведения. В работе подробно анализируется влияние мифопоэтики на особенности выражения философской идеи романа, сюжет, образную систему.

Представление о бинарности мира обозначено в романе с первых же страниц присутствием зла в виде Черной горы. Она противостоит гармоничному миру метафизических героев: Мазага, Нарыча, Нешара и периодически встает на их пути, испытывая на мужество, стойкость, способность сопротивления злу. В общей сложности Черная гора – это мифический, метафорический образ – символ тотального зла, парадигматику которого автор разворачивает на протяжении всего романа, наполняя ее ассоциативными связями и многозначными символами. Параллельно с ним в романе присутствует и

реальный образ зла, черной тенью обрушившийся на адыгскую землю – война с ее ужасающими последствиями. Чередуя мифопоэтический и реальный планы, автор описывает скитания Нешара по опустошенной войной земле, его встречи с Черной горой, Одиноким всадником, мчшимся огненным вихрем сквозь века. Встреча Нешара с тремя солдатами и плененной ими семилетней девочкой является кульминационной точкой в развитии конфликта романа. В финале романа молодые герои – Нешар и девочка – попадают в самое чрево Черной горы, где с ними происходит та трансформация, которая позволяет верить в торжество света над тьмой: свет души девочки прорывается сквозь темную утробу Черной горы и прорастает к небу в виде маленького деревца. А Нешар, которому девочка помогла прозреть, зажечь свет своей души, также соединяется с Небом, вселенским светом через нее, словно ребенок, получающий пищу в утробе матери, они растворяются в нем, и в муках зарождается внутри него Свет.

Итак, в прозе Н. Куека наметилась тенденция усиления философского начала в осмыслении жизни, сопровождающаяся поисками в области поэтики и стиля, концептуальным изменением отношения к фольклорному наследию. Эта тенденция прослеживается и в романе «Вино мертвых», где художественное исследование истории народа с разворачиванием широчайшей панорамы духовно-нравственного мира адыгов как этноса ведется в едином контексте духовно-нравственного пространства всего человечества.

Многомерный, синтетический роман имеет сложную структуру: это роман в новеллах, состоит из семнадцати новелл, являющихся одновременно вполне самостоятельными по семантической и структурной организации.

Основной объект художественного исследования в романе – история адыгского народа, прослеженная на примере становления, расцвета и угасания рода Хаткоесов, потомков великих нартвов и хаттов. Содержание каждой новеллы – определенная веха из этой истории, начиная с древнейших времен, и охватывает средневековый период, феодальную Черкессию, период Кавказской войны XIX в., Гражданскую войну, Великую Отечественную войну, мирное послевоенное время и даже картины из будущего.

Фрагменты из этой истории чередуются в романе, вынося из глубин исторической памяти образы ярких, сильных, мужественных героев, искусных воинов из рода Хаткоесов: Дэдэра, Редеда, Кангура, Предводителя, Четава, Тепсава, Последнего. Суровая кочевая жизнь, бесконечные походы, постоянная готовность защитить свою «райскую» землю выпестовали

из адыгов искусных воинов и непоколебимых защитников Отечества. Каждый из названных героев «привязан» к конкретно-историческому времени и типизирован в стиле своего времени. Но хронология событий не носит последовательного характера и не делит время на прошлое, настоящее и будущее, все сосуществует одновременно.

Вместе с названными героями в семантическом поле романа-мифа живут и действуют эпический герой Кунтабеш (имя-перевертыш Шабатнуко) и мифопоэтическая героиня Светлорукая (Адиюх), бессмертные герои, являющиеся сквозными для всех новелл: прародительница рода Хаткоесов мудрая три-бабушки, вечно юный поэт Ляшин и весельчак Фэнэс. Все они – участники событий, которые происходят всегда, – символизируют единство сиюминутного и вечного, нерасторжимую связь микро- и макромира.

Параллельно с историей рода Хаткоесов в романе идет взволнованный лиро-эпический рассказ об уникальной культуре адыгов, их обычаях, традициях, их мировидении, составляющих в совокупности яркую национальную картину мира.

Пространство и время национального космоса максимально насыщены героями и событиями, раскрывающими сюжетную канву романа и его основную идею. Последняя новелла «Он, этот Бог, сотворен Хаткоесами» завершает целостность идейно-художественного единства романа. Новелла повествует о смерти богочеловека Тлепша и одновременном рождении его сына, солнечного героя, который взойдет как «молодое светило» для адыгского народа и с которого начнется новый цикл жизни, не имеющей конца. И все повторится вновь для Тлепша, нартов, Хаткоесов, Ляшина, Фэнэса. Идее неотвратимости смерти автор противопоставляет мысль о вечности, о жизни, бесконечно зарождающейся из Звука и Света, о цикличности истории, жизни, в которой все повторяется. И вполне обоснованно в завершающей новелле-мифе эсхатологическая ситуация трансформируется в новелле в космогоническую, а известный солярный миф о рождении солнечного божества получает в авторской интерпретации новый смысл – утверждение вечности жизни, созидательных начал, величия человека, его способности стать богоподобным.

Таким образом, совмещение и взаимопроникновение двух пластов – реалистического и мифологического – выражение философской идеи романа через использование мифо-фольклорной традиции оказались весьма продуктивными для философской прозы Н. Куека. Использование Н. Куе-

ком мифа и его универсальной общечеловеческой философии при обращении к глобальным темам стало серьезным подспорьем в его художественно-эстетических решениях. Примечательно также, что национальная модель мира в романах «Черная гора» и «Вино мертвых», созданная по мифопоэтическому образцу, тяготеет к универсальной модели мира.

Роман молодого писателя Д. Кошубаева «Абраг» является образцом смелого мифотворчества. Автор назвал свой роман «ностальгической мистерией», что обуславливает жанровую специфику. Роман повествует о «прекрасном изумрудно-золотистом городе» Абраге, в котором «все было в досталь», но который не выдержал Божественного испытания любовью и был потоплен. Главный герой романа – писатель Альберт Крымов (он же автор-повествователь), единственный житель Абрага, оставшийся в живых после потопления города.

В романе, имеющем сложную архитеконику, первая, третья, четвертая части повествуют о современном городе Абраге, где живут потомки нартов, но сюжетным ядром является вторая часть, посвященная Стране нартов.

Ретроспективный возврат в мир истоков, мир «первых и лучших» (по Бахтину) предпринимается автором не только для того, «чтобы посмотреть на него с понимающей улыбкой», но и с целью противопоставить его быту, нравам, духовному состоянию жителей современного города Абрага.

Использование и интерпретация автором мифо-фольклорного материала в разных частях романа широко варьируется от традиционных приемов до постмодернистских и разительно отличается от всех предшествующих реминисценций подобного рода в адыгских литературах. Молодого автора интересуют не столько громкие деяния былых богатырей, прославленных эпических героев Сосуко, Бадыноко, Батраза, Ашамеза и других, сколько мотивы их деяний. В изображении автора нарты представлены завистливыми, хитрыми, корыстными в абсолютном большинстве. Существенной чертой стиля всего романа является присутствие иронии, столь характерной для постмодернистской поэтики мифологизирования.

Во второй части автор воспроизводит и по-своему трактует все основные сюжетобразующие мотивы и конфликтные узлы эпоса, сконцентрированные вокруг Сатаней, Сосуко, Бадыноко, Ашамеза, Адиух и других основных героев. Пантеон адыгских богов, представленный в романе широко, чаще всего изображается с юмором или иронией. Ирония – необходимый элемент поэтики постмодернистского мифологизирования – при-

суща как этой части, так и всему роману. В работе анализируются приемы постмодернистской поэтики мифологизирования, применяемые автором, в частности, универсальная повторяемость имен, ситуаций во всех частях романа, проводящая идею связи времен, преемственности поколений, взаимоотношений частного и общего; дым, туман, сновидения, узнавания сквозь пелену времен одних и тех же лиц в разных обликах; построение образов, находящихся на грани реального и ирреального миров; апокалиптический финал романа с потоплением города Абрага; широкие интертекстуальные связи романа, авторские реминисценции из мировой мифологии (Бог Тот, Амон Ра), библейских историй (гибель Абрага сравнивается с гибелью Содома), цитации библейских историй, булгаковского текста из романа «Мастер и Маргарита» («рукописи не горят» в авторском парафразе звучит: «рукописи не тонут»), философии: Ортега-и-Гассет и т.д.

Характер мифотворчества Д. Кошубаева в «Абраге» определяется присутствием двух типов мифологизирования: если во второй части, посвященной нартиаде, имеет место реализация значительно трансформированного и осовремененного мифозпического материала, контаминированного с универсальными мотивами других мифологических традиций, то в совокупности с другими частями весь роман смоделирован по законам мифа.

Роман-миф «Каменный век» Х. Бештокова был своеобразным художественным «прорывом» к неомифологизму не только для кабардинской, но и для адыгских литератур. Произведение стало образцом смелого мифотворчества, с одной стороны, опиравшегося на мифозпические традиции, с другой, – прокладывающего совершенно новые пути в литературно-художественной системе.

Обращенность автора к мифу была заявлена как в эпиграфе, апеллирующем к древнегреческому мифу о Фазтоне, так и в эпохе, взятой в качестве объекта художественного живописания. Х. Бештоков возвращается к далекой эпохе каменного века и предпринимает попытку художественного воспроизведения облика человека на ранней ступени развития общества, его образа жизни, мироощущения и мироотражения. В качестве основных приемов мифологизации автор использует те, которые связаны с самыми древними мифологическими представлениями: тотемизмом, фетишизмом, анимизмом. Характерная для мифомышления космологизированность проявляется в романе через тотальное одушевление всего окружающего мира – камней, деревьев, песка, ветра, солнца, звезд, луны, реки.

Автор окунается в мир древних представлений, ощущений, восприятий глубоко, талантливо, с завидным знанием и чувствованием художественно исследуемого материала. В романе широко отображены принципы мироустройства древних людей, особенности человеческих взаимоотношений в родо-племенном сообществе, широко и многогранно представлена специфика примитивного мышления людей на раннем этапе развития человечества. Особенности мифомышления отобразились в описании ритуалов жертвоприношений и празднеств, посвященных тотемным животным – Черному быку и Орлу, – в проводах души убитого человека или животного, в следовании общепринятым законам и нравственным устоям, исполнении табу. Даны картины мирной жизни дореев и племени Орла, их созидательного и жизнерадостного труда. Х. Бештокову удается художественно воспроизвести тот полный загадочности и неизъяснимого очарования мир древнего человека, для которого все было живым, одухотворенным, то ласковым и прекрасным, то грозным и беспощадным. Изображенный автором мир – мир тотально мифологизированный, в котором все оживотворено, где часть является органичной составляющей целого организма-космоса.

В работе прослеживаются особенности сюжета романа «Каменный век», повествующего о нескончаемых междоусобных войнах между племенами дореев и эминеев, о судьбе Ану – единственного дорая, оставшегося в живых, рассматриваются особенности поэтики мифологизирования, создание мифообраза войны. Через образ Ану Х. Бештоков живо и выразительно передает мироощущение и мировосприятие древнего человека, только начинающего пытливо всматриваться в окружающий мир и познавать его. В мифологеме жизненного пути Ану символически отображен эволюционный путь всего человечества, находящегося в самом начале своей истории, и перспективы его дальнейшего развития – это и есть магистральная идея романа Х. Бештокова.

В исследовании подробно рассматривается поэтика мифологизирования Х. Бештокова, отмечается, что она перекликается с постмодернистской. В частности, это проявляется в трагически-ироничном парафразе традиционных архетипов и мотивов, в парадоксальном построении фраз и создании причудливых образов и ситуаций.

1.3. Традиционные мотивы и способы их реализации в художественном контексте романов Н. Куека, Ю. Чуяко, Х. Бештокова, Д. Кошубаева – рассматриваются мифопоэтический контекст современного адыгского

романа, содержащий большой пласт фольклорно-мифологических элементов – от отдельных мотивов до устойчивых мотивных комплексов и целостных сюжетных структур, трансформированных с учетом авторской установки. Мотивный фонд рассматриваемых произведений в самом общем виде может быть классифицирован следующим образом:

1. Собственно мифологические мотивы: космогонические, тотемические, эсхатологические (культ умирающего-воскресающего божества), трансморфические (оборотничество, двойничество), этиологические (происхождение пятен на луне), героические (рождение героя, изоляция героя, поиски отца героем).

2. Мотивы, в которых мифологическое проявляется через мифозпическое, фольклорное, сказочное начало (мотивы кузнечества, сватовства, добывания невесты, оболщания, рождения героя, поисков отца, кровной мести, игры-состязания «хэч-хасэ»). Эти традиционные мотивы являются наиболее распространенными в художественном контексте современного романа и восходят к мифозпической традиции.

По нашему мнению, все эти мотивы в контексте романов претерпевают значительную трансформацию, в соответствии с творческой манерой и художественно-стилевыми решениями авторов. В романах Ю. Чуяко и Н. Куека часто имеет место реалистическое переосмысление мотивов и наполнение не свойственным им изначально психологическим содержанием. В романе Д. Кошубаева «Абраг» доминирует травестийный парафраз традиционных мотивов. Имеет место также авторская контаминация нескольких мотивов в единый мотивный комплекс. Исследование подобных приемов способствует также выявлению особенностей мифотворчества отдельных авторов.

Проанализированный материал позволяет сделать определенные заключения и в отношении характера мифологизма и мифотворчества каждого отдельно взятого писателя. При исследовании проблемы мифотворчества мы разграничиваем два явления: в первом случае мифологизм представляет собой интерпретацию и трансформацию исходного мифосюжета в авторском тексте; во втором случае речь идет о создании в тексте собственного мифа или моделировании текста как миф.

Для мифотворчества Ю. Чуяко характерно использование исходного мифосюжета и частичная реконструкция, ориентация на народную мифозпическую традицию и реалистическое повествование. В способах мифологизирования этого писателя отмечается много сходного с творческой манерой Б. Шинкубы в романе «Рассеченный камень».

Романы Н. Куека «Черная гора» и «Вино мертвых» характеризуются широким варьированием различных приемов мифологизирования, сочетанием и органическим взаимопроникновением реалистического, мифологического, чудесного начал, позволяющим отнести их к синкретическому мифологизму со смешанными его типами. Нами проводится аналогия романа «Черная гора» с романом «Отец-Лес» А. Кима, а по характеру мифологизма роман «Вино мертвых» сравнивается с романом Г. Маркеса «Сто лет одиночества».

Мифотворчеству Х. Бештокова и Д. Кошубаева присущи, прежде всего, ориентация на мифосюжет и создание собственного авторского мифа. В романах «Каменный век» и «Абраг», написанных с постмодернистских позиций, господствует миф и миф авторский, порой переходящий в пародию, травестию, а то и антимиф. Мифотворчество Д. Кошубаева в романе «Абраг» по типу и способам мифологизирования соотносится, прежде всего, с западноевропейским романом и эстетикой постмодернизма.

Таким образом, рассмотренный нами материал и выявленные закономерности позволяют заключить, что обращение к мифу и его онтологическим основам существенно повлияло на содержательную основу современного адыгского романа. Оно способствовало глобализации проблематики и конфликтов, являющихся объектом художественного исследования романов Н. Куека, Ю. Чуяко, Х. Бештокова, Д. Кошубаева. Мифопоэтика оказала влияние и на сюжетостроение, обнаружившее тенденцию к большей обобщенности, спрессованности повествования, более раскрепощенной фабуле с свободно трансформируемой логикой мифа. Значительно расширился и диапазон жанровых модификаций современного романа, представленного такими разновидностями, как: роман-притча («Сказание о Железном Волке»), роман-миф («Каменный век», «Абраг»), философско-мифологический роман («Черная гора»), историко-мифологический роман («Вино мертвых»).

Во второй главе «Мифопоэтика и образостроение в романах Ю. Чуяко, Н. Куека, Х. Бештокова, Д. Кошубаева» исследуется воздействие мифопоэтики на образостроение, выявляется в текстах максимальный объем мифологических образов, символов, определяется соотношение эпической и мифологической составляющих в образостроении. В поле исследовательского интереса включается также проблема концепции человека в художественной системе отдельно взятых писателей. Решение поставленных задач диктует необходимость систематизировать и классифицировать базовые источники сквозных авторских образов и мотивов – универсальные архетипы.

В русле обозначенных задач данной главы теория архетипов приобретает особенное значение.

Известно, что процесс мифотворчества есть по сути реализация архетипа в образы, «невольное высказывание о бессознательных душевных событиях на языке объектов внешнего мира». К. Юнг считал, что «тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов..., он подымает изображаемое им из мира единократного и преходящего в сферу вечного; при этом и свою личную судьбу он возвышает до всечеловеческой судьбы».

В работе выявляются архетипы, восходящие «к универсально-постоянным началам человеческой природы» в образной системе рассматриваемых романов. В творческой лаборатории интересующих нас авторов присутствует весь арсенал художественных средств, типологически соответствующий всем возможным стадиям реализации архетипа в образе-символе, мифе-повествовании, фольклорном и художественном образах.

Способы репрезентации архетипа при этом могут выглядеть следующим образом:

- а) архетип – художественный образ;
- б) архетип – мифологический образ – художественный образ;
- в) архетип – мифологический образ – фольклорный образ – художественный образ.

В художественном контексте современного мифопоэтического романа отмечается реализация наиболее известных архетипов, в частности, классической триады: Отец - Мать - Сын. Женские архетипы в общей сложности представлены следующими разновидностями: Дева, Мать, Старуха. В качестве мужских архетипов в современном адыгском романе просматриваются следующие варианты: Старец, Отец, Воин, Певец, Богочеловек. Отмечается также присутствие в контексте современного романа архетипа Младенца (Ребенка).

Архетип Великой Матери является одним из самых востребованных в современном адыгском романе. С той или иной оговоркой к нему восходят образы Сатаней, Адиюх, Барымбух, три-бабушки, Гошанды, матери Нешара, Амиды, Ахумиды. Пробраз Единой Матери, вскормившей всех своим молоком («мы все вышли из одного гнезда, все вскормлены молоком единой матери»), особенно часто встречается в творчестве Н. Куека.

В работе прослеживаются путь и способы репрезентации этих архетипов, начиная с эпических образов и завершая трансформацией в литературный архетип.

Архетип старца является одним из наиболее распространенных мужских архетипов в художественной структуре современного романа.

Один из наиболее ярких образов, реализующих данный архетип – мифологический образ двухсотлетнего старца Мазага в романе Н. Куека «Черная гора», воплощающего мудрость своего народа, его созидательные начала. Данный архетип реализован также в образе седого старца (роман «Вино мертвых»), возвещающего начало Нового года в адыгском селении, в образах «белобородых старцев», ступающих добровольно «в белые воды реки» («Каменный век»). В романе Ю. Чуяко «Сказание о Железном Волке» дается обобщенный образ шиблокохавльских стариков, воплощающих архетип старца: джегуако Хаджекыза Мазлокова, кузнеца Урусбия и Даута Юсуфкова, шапошника Чемаля Чагокова, учителя-историка Ереджиба Батовича. В образе Хаджекыза имеет место прямая реализация архетипа в художественном образе, сопровождающаяся наполнением образа несвойственным мифопоэтическим персонажам психологическим содержанием.

Образы других представителей семьи Мазлоковых воплощают соответственно архетипы отца – в Бираме и сына – в Сэте. Примечательно, что в триаде Хаджекыз – Бирам – Сэт мифопоэтическая составляющая идет на убыль по мере отдаления от бабушки Хаджекыза и приближения к современной Сэту действительности. Сэт Мазлоков – рефлексирующий герой, его поиски истины ассоциируются в романе с образом идущего во мраке ночи, недаром вторая часть романа так и называется «Идущий в ночи». Архетип сына реализован и в образах Нешара – («Черная гора»), Ану («Каменный век»), Альберта Крымова («Абраг»).

Архетип отца находит яркую и убедительную репрезентацию в образах Бирама («Сказание о Железном Волке»), Нарыча – отца Нешара («Черная гора»). В образе Нарыча отчетливо маркируется мифопоэтическое начало: он «необычный» герой, владеющий «нечеловеческой силой», позволяющей, к примеру, вырваться из «каменных объятий» Черной горы. Вместе с тем Нарыч владеет сверхъестественными психическими силами. Бережно и мудро воспитывает Нарыч своего сына, приобщая к законам развития природы, жизни через позитивные примеры, через любовь ко всему живому, существу. В этой системе воспитания нет места страху, пустым, ничего не значащим словам, на первом месте – преклонение перед красотой, Творцом и неизбежностью исполнения космических законов, на

которых основывается гармония в мире. Обладание недюжинной физической силой делает его типологически сходным с эпическими и культурными героями мифоэпической традиции. В данном образе отмечаются черты культурного героя.

Архетип воина – один из самых востребованных в современном адыгском романе с мифоэпическими истоками, и это обусловлено особенностями исторической судьбы адыгских народов. Целая плеяда блистательных воинов, великолепно владеющих своим ремеслом, преданных Отчизне и самоотверженно защищающих свою свободу, независимость, представлена в романе Н. Куека «Вино мертвых». Таковы эпический герой Кунтабеш, богатырь с недюжинной силой Дэдэр, предводитель касогов Редед, вернувшийся из Египта мамлюк Кангур, непоколебимо стоящий на страже Закона Предводитель, беззаветно защищающие свободу и независимость родной земли братья Четав и Тепсав. В образе предводителя касогов Редеда превалирует героическое начало, граничащее с реалистическими деталями в воссоздании облика воина-героя, владеющего великолепно воинским ремеслом. Мифоэпическое начало уступает место реалистическому описанию в образах Последнего, Четав, Тепсава, Долета, Махмуда.

Центральное место в плеяде блистательных воинов, предстающих перед читателем от новеллы к новелле, принадлежит Предводителю – великолепному воину, воплотившему лучшие черты военачальника, являющему собой яркий образец мудрого и сильного полководца. В его образе героическое начало, выраженное в династии воинов Хаткоесов, достигает апогея.

В образной системе романов интересующих нас авторов присутствуют мифологические образы-символы, имеющие концептуальное значение. К ним относятся, прежде всего, образы Железного Волка, Черной горы, Одинокого Всадника, являющихся сквозными для контекста романов. В самом общем смысле образы Железного Волка и Черной горы – символы тотального зла, образ Одинокого Всадника – символ истории всех адыгских народов.

Железный Волк в романе Ю. Чуяко «Сказание о Железном Волке» предстает как мифическое существо, «пожирающее целые аулы» и поедает сердца людей. В ходе дальнейшего повествования его образ «разворачивается» в тексте, обрстая ассоциациями, дополнительными об-

разами-символами и в конечном итоге обретает глубокий обобщающий смысл, символизирующий жестокость, бездушие, беспамятство, наступление технократии.

Образ Черной горы в одноименном романе Н. Куека присутствует сразу в двух ипостасях. С одной стороны, этот мифологический персонаж имеет внешне реальные очертания и являет собой жуткий Молох, пожирающий все живое на своем пути, передвигающийся самостоятельно в пространстве и сопровождаемый своей зловещей тенью. С другой стороны, в романе присутствует и абстрактный обобщенно-символический образ Зла, становящийся в творческом сознании автора средоточием мирового зла, негативных сил, «сотворенных», по словам автора, «не Богом, а самими людьми».

Образ Одинокого всадника, уходящий своими корнями в народный эпос, прочно укрепился и в современном адыгском романе. Одинокий всадник стал символом истории адыгов, исчисляющейся тысячелетиями и наполненной трагическими событиями. Образы всадников, восходящих к архетипу одинокого воина, имеющие место в творчестве М. Эльберда, Т. Адыгова, И. Машбаша, Ю. Чуюко, изображены в сочетании реалистических и мифопоэтических начал с преобладанием первого. В романах Н. Куека и Д. Кошубаева этот образ подвергается значительной трансформации, выражающейся в максимальной мифологизации и обретении символического начала. В романе Ю. Чуюко «Сказание о Железном Волке» дается совокупный образ всадников, реализующих данный архетип: вольнолюбивые всадники – одинокий всадник – удачливый всадник – неустрашимый всадник.

Наиболее яркий мифологический образ - символ Одинокого всадника мы встречаем у Н. Куека. Автор описывает лик огненного всадника, на котором запечатлелись тысячелетия, который казался ровесником неба и мчался огненным вихрем сквозь века. В романе «Абраг» Д. Кошубаева образ Одинокого всадника и связанная с ним мифологема одиночества находит полное художественное раскрытие в образах Сосруко, Бадыноко, Батраза, Тотреша, Ашамаза, в которых реализуется также и архетип воина.

Объектом исследовательского внимания в данной главе является и категория образов, показательная для выражения мифопоэтического пласта в современной адыгской романистике. Это представители inferнального мира, присутствующие в романах Н. Куека и Д. Кошубаева. Образы

бессмертных героев три-бабушки, Ляшина, («Вино мертвых»), бабушки Барымбух, Прозектора, Экзекутора и Апологуса («Абраг») являются посредниками между мирами живых и мертвых, легко перешагивающими границы жизни и смерти.

В контекст «Черной горы» вводится совокупный образ умерших, но зримо присутствующих в романе. Автор сам определяет их сущностную специфику следующим образом: «невидимые, которые видят нас». Несмотря на мифологизированность этих образов, именно через них, как это ни парадоксально, автор раскрыл жестокие реалии Кавказской войны XIX столетия.

Весьма примечательно присутствие героев с трансцендентным сознанием в образной системе рассматриваемых романов. Это присутствие связано, прежде всего, с романами Н. Куека. Трансцендентным сознанием в той или иной степени обладают Мазаг, Нарыч, Нешар, Ляшин, Фэнэс, Тлепш. В исследовании анализируются особенности проявления трансцендентности в связи с способностью героев к самосовершенствованию и понятием «самоактуализированный человек» (по Маслоу).

Образная система современного адыгского романа примечательна также присутствием собственно мифологических божеств («Абраг», «Вино мертвых») или аллюзий к ним («Сказание о Железном Волке»). В романе «Абраг» присутствует весь пантеон божеств адыгской мифологии: верховный всемогущий Тха (Уашхо), стоящий над всеми, Тлепш – бог кузнечного ремесла, Тхаголедж – бог земледелия, Псатха – бог души, Созереш – бог благоденствия, Мазитха – бог лесов, Амыш – бог скотоводства, изображаемые с неизменной для романа иронией. Мифологические божества: Тхаголедж, Амыш, Ахын, Тлепш, а также хтонические божества Псэхэх, Псыхогуаша – присутствуют в романе «Сказание о Железном Волке» в виде аллюзий героев.

В работе предпринимается попытка типологической классификации образной системы современного адыгского романа по принципу выявления соотношения эпического и мифологического начал и возрастанию мифо-эпической составляющей. Она выглядит следующим образом:

1. Реалистический герой с элементами мифологизирования или носитель мифоэпического сознания – Хаджекыз Мазлоков, Урусбий Юсуфов, Осман Челестэнов, Предводитель.

2. Мифопоэтические герои, вводимые непосредственно в контекст романа: Сосруко, Бадыноко, Батраз, Ашамаз, Адихох, Кунтабеш (Шабатнуко).

3. Мифологические персонажи – божества, вводимые непосредственно в контекст романов: Тхаголедж, Амыш, Ахын, Созереш, Тлепш.

4. Культурные герои – Сосруко, Сатаней, Тлепш, Мазаг, Нарыч, Нешар.

5. Мифологизированные литературные герои как продукт авторского мифотворчества: Ану, Прозектор, Экзектор, Апологус, Нешар, Мазаг, Нарыч, три-бабушки, Ляшин, Фэнэс. Эта группа может иметь несколько подгрупп: а) сквозные образы с присущими им элементами бессмертия и метафизическими свойствами, проводники, осуществляющие связь между мирами живых и мертвых; б) трансцендентные герои: Нешар, Ляшин, Тлепш.

6. Образы-символы – Одинокий всадник, Черная гора, Железный волк, дубы-черкесы.

7. Женские образы – воплощение красоты, мудрости, гармонии, носительницы света: Адыиф, Сатаней, Девочка, Малечипх.

Концепция человека в мифопоэтическом пространстве и времени современного романа выглядит следующим образом:

Человек – многомерное существо, пребывающее одновременно (без деления на время: настоящее, прошлое будущее) сразу в нескольких мирах (измерениях).

Герои – носители мифопоэтических черт гармоничны, они сопряжены со своим пространством, погружены в него и питаются жизненными силами от родной земли, то есть благополучие и состоятельность, реализация всех этих героев так или иначе связаны с пребыванием на родной земле, в которую успели врасти корнями. Так же важно и второе условие состоятельности героя – выстраивание гармоничных отношений с природой, жизнь в согласии с окружающим миром, космосом: солнцем, луной, рекой, горами, лесом. Человек, не имеющий или не опирающийся на свои истоки в силу разных обстоятельств, обречен на «растворение» в чужой среде, вымирание и деградацию. И, наоборот, человек более успешно эволюционирует при наличии соответствующих условий.

Проведенный анализ образной системы современного романа с выявлением архетипических образов и мифоструктур позволяет заключить, что мифопоэтика существенно повлияла на образостроение рассматриваемых авторов. В совокупности вся образная система, взятая как единое це-

лое, в определенной степени восходит к архетипу Мирового древа, воспроизводя генеалогическое древо народа – рода через преемственность нескольких и более поколений. Мифопоэтика обогатила образостроение новыми возможностями, пополнила эпические ресурсы авторов. Она привнесла культ света в эпический мир романа и утвердила сердечность как основное качество героев. Современный адыгский роман не ушел от определенного типажа героев, своего рода национального архетипа, с надежным духовно-нравственным основанием личности. Представляется важным отметить в русле нашего исследования, что в образной системе современного романа проявлена тенденция преобладания архетипических образов над типическими, сквозных образов – над единичными, концептуальных – над локальными.

В главе третьей **«Мифопоэтика и структура художественного текста в современном адыгском романе. Особенности мифопоэтического миромоделирования в романах Ю. Чуюко, Н. Куека, Х. Бештокова, Д. Кошубаева»** исследуется влияние мифопоэтики на художественную структуру современного романа, выявляются особенности миромоделирования, рассматриваются структурные инварианты контекста романов, анализируются категории пространства и времени, особенности хронотопа, прослеживаются функции основных мифологем: земли, огня, воды, воздуха, леса, деревьев, гор, коня, геометрической символизации в формировании национального космоса, выявляются ритуально-обрядовые элементы мифа в контексте романов и их роль в формировании художественного образа мира.

Романы «Каменный век» Х. Бештокова, «Сказание о Железном Волке» Ю. Чуюко, «Черная гора» и «Вино мертвых» Н. Куека, «Абраг» Д. Кошубаева характеризуются присутствием широкого спектра мифопоэтических приемов, мифологем, мифоструктур, бинарных оппозиций, архетипов, обуславливающих особенности их структуры. Анализ построения этих романов, их сюжетно-композиционных особенностей приводит к заключению о наличии сложной многомерной архитектоники романов, имеющих чаще всего двухполюсную структуру. Особенно эта тенденция выражена в романах «Вино мертвых» Н. Куека, «Сказание о Железном Волке» Ю. Чуюко, «Абраг» Д. Кошубаева, где смещение временных пластов и пространственных локусов формирует сложную

структуру с причудливым мифопоэтическим хронотопом, восходящим к мифоэпическому образцу. Одним из структурных инвариантов контекста анализируемых романов является мифологема пути, сопряженная с духовными исканиями и напряженными внутренними рефлексиями главных героев. Объектами анализа данной главы являются такие структурные инварианты, как бинарные оппозиции, повторы, параллелизмы, двойничество, оборотничество, сновидения в художественном контексте современного романа, способствующие формированию его единого мифопоэтического пласта.

3.1. Миромоделирование в современном адыгском романе. Особенности пространственно-временного континуума. Предметом подробного анализа здесь являются категории пространства и времени в романах Ю. Чуяко, Н. Куека, Х. Бештокова, Д. Кошубаева.

Для выявления преемственности традиций в современном романе рассматриваются мифоэпическая модель мира и ее пространственно-временные координаты.

Мифопоэтический пространственно-временной континуум, воспроизводящий в современном адыгском романе национальный космос, носит универсальный, целостный характер. Пространственные параметры создаваемой модели мира ассоциируются не только с «адыгской землей», но часто выходят за пределы этих параметров, тяготея к универсуму. Мифопоэтически изображаемый авторами адыгский мир космологичен и является органичной частью всего Мироздания; события, происходящие в этом мире, отражаются, воспринимаются, отзываются эхом в далеких мирах.

Все стихии огня, воды, земли, воздуха, - задействованные в этом мире, предстают в мироздании как «первокирпичики», из которых сотворен мир, символизируют целостность и взаимообусловленность процессов, происходящих в нем, формируют совокупный художественный образ мира. Выявление этих мифологем, представляющих основные первоэлементы космоса, и характера их функционирования в контексте романов приводит к заключению, что мифоэпическое сознание обуславливает создание удивительно целостной картины мироздания, формирует весьма четкое представление о материальном и духовном единстве мира.

В целом пространственно-временной континуум современного адыгского романа имеет сложную многоуровневую структуру, являющую собой модель национального адыгского мира со всеми парадигмами духовно-нравственных и общественно-социальных характеристик, но одновременно это и модель вселенского бытия, приложимая ко всему человечеству.

Архитектоника этого мира и сложна по структуре, и одновременно проста в своей цельности. Мифологическое сознание сцементировало все разноплановые и разнохарактерные компоненты этого мира, все его уровни. Модель этого мира пронизана «светящимся звуком» и «звонящим светом». В основе мифопоэтического миромоделирования в романах Ю. Чуюко, Н.Куюка, Д.Кочубаева лежит мифопоэтическая модель мира, состоящая из трех миров: верхнего (мир богов), среднего (мир живых людей) и нижнего (мир умерших). Границы между этими мирами обозначаются условно, формируя архитектуру единого целостного мироздания. Это накладывает отпечаток и на обозначение таких параметров пространства, как границы и сакральные центры. Границы адыгского мира носят подвижный характер, а его общее пространство выглядит как открытое, разомкнутое. Вместе с тем его отдельные локусы представляют собой модель замкнутого пространства, выражающего мини-модели адыгского сообщества. Общими характеристиками этого пространства могут служить также такие качественные характеристики, как гармоничность, нормированность, целостность, противостоящие в оппозиции хаотичности, ненормированности, прерывистости пространства. Четко маркируются и его сакральные центры: курганы, символизирующие историческую память; горные вершины, образы-символы мирового древа.

Категория времени в современном адыгском романе выражена многозначно и имеет такие разновидности, как «мифологическое время», «циклическое время», «остановившееся время», «обратимое время», «необратимое время», «интегрирующее время», «историческое время», «линейное время». В мифопоэтической модели мира, создаваемой адыгскими авторами в современном романе, формируется единый образ времени, имеющий мифологический характер. Мифологичность времени обуславливается циклическостью и всеобщей повторяемостью событий в миромоделировании рассматриваемых романов, что позволяет говорить

о спатиализации. Говоря иначе, в современном адыгском романе мифологическое время вытесняет объективное историческое время. Подобное толкование категорий пространства и времени способствует созданию космопространственных хронотопов, восходящих к вселенскому универсуму.

Проанализированный материал позволяет заключить, что вполне очевидна смена национальной картины мира универсальной, обусловленной возрастанием мифологической составляющей в художественном контексте романа. Мифопоэтическая тенденция отражается в воспроизведении мифоструктур и законов архаического мышления: создание «целокупного образа» (по Голосовкеру), развивающего тему противостояния добра и зла, регулярное использование принципов бинарных оппозиций и геометрической символизации на всех уровнях текста, реактуализацию мифо-обрядовой семантики мифологеми пути, построение модели мира по мифопоэтическому образцу, создание авторского мифа.

3.2. Ритуально-обрядовые элементы мифа в современном адыгском романе и их роль в формировании художественного образа мира. Рассматриваются отображенные в современном романе традиционные ритуалы адыгов, связанные с основными этапами жизни человека: рождением ребенка, его пеленанием, первым шагом, определением рода занятий; свадьбой, добыванием невесты, свадебными и молодежными игрищами; похоронами, обрядом погребения; обрядами, связанными с организацией и проведением социальных институтов: «чапша», «хачеца», поминальных жертвоприношений и т. д. В них отобразилось мифоэпическое сознание адыгов, сохранившее свою преемственность на протяжении многих веков и закрепившееся в ритуале и этикете. Описание этих ритуальных действий сквозь призму мифопоэтики способствует особенно выразительному и одновременно глубокому воспроизведению национального образа мира.

Характер образа этого мира, его герои, их поступки, действия не всегда соотнобразуются с здравым смыслом, прагматизмом человека XX века, ибо они возвращают читателя к истокам, далеким и забытым. Но новое возвращение к этим поистине неиссякаемым источникам народной мудрости, неистошмой фантазии, эстетике прекрасного заставляет читателя по-

новому взглянуть на современность и не только осмыслить, но и почувствовать, осязть дух нации, то иррациональное, что не поддается рационалистическому толкованию. И здесь трудно не согласиться с утверждением, что иррациональное («дух нации») может быть понято только иррационально. По мысли философа С. Н. Булгакова, национальное самосознание рассматривается как нечто, что дается человеку вне его опыта, что исторически и духовно сформировалось как некая традиция, которая воспринимается человеком неосознанно и является частью его генетического кода. Принадлежность к нации не зависит от нашего сознания, выбора или опыта и основана на иррациональном, интуитивном, доопытном понимании и восприятии «духа нации», «идеи нации».

Художественный образ мира, воспроизводимый в современном романе рассматриваемых авторов, имеет выраженный мифопоэтический характер (ритуальная картина мира). В этом образе нашли отражение все основные духовно-нравственные и социальные парадигмы национального бытия. Вместе с тем, под влиянием решительного вторжения мифопоэтики в семантическое и структурное поле романов, модель национального мира неизменно обнаруживает тяготение к общечеловеческой модели — универсуму.

Здесь же необходимо отметить, что мифопоэтика романа, его структура, его художественные особенности не сводятся только к мифопоэтической традиции. Характер мифологизма современного романа может быть определен как неомифологизм, ставший примечательным явлением для всего мирового литературного процесса XX века.

Неомифологизм, новое мифотворчество современных авторов выражается как в сотворении новых мифов (Н. Куек), так и травестии классического мифа, мифопоэтической традиции (Д. Кошубаев), своеобразной демифологизации (Х. Бештоков). В романах Н. Куека и Д. Кошубаева создается мир, в котором возможны любые перевоплощения-превращения вплоть до растворения личности в природе, а жизнь и смерть не разделены четкой гранью — это уже по существу мир мифологический, не только воспроизводящий механизм мифологического сознания, но и построенный по законам мифа.

В Заключении подводятся итоги, подтверждаются основные положения, выносимые на защиту, делаются выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии:

1. Паранук К.Н. Иду к Человеку: Размышления о творчестве Нальбия Куека. – Майкоп, 2004. – 6,2 п.л.
2. Паранук К.Н. Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе. – Майкоп: Качество, 2006. – 20 п.л.

Статьи:

1. Паранук К.Н. «...Мир мне улыбается светло!». О творчестве Хамида Беретаря // Кубань. – 1981. – №7. – С. 93 – 96.
2. Паранук К.Н. Хамид Беретарь // Вопросы истории адыгейской советской литературы: в 2 кн. Кн. 2. – Майкоп, 1980. – С. 164 – 170.
3. Паранук К.Н. Хусен Андрухаев // Вопросы истории адыгейской советской литературы: в 2 кн. Кн. 2. – Майкоп, 1980. – С.112 – 119.
4. Паранук К.Н. Адыгейская поэзия послевоенного десятилетия // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Вып. 3. – Майкоп, 1981. – С. 81 – 103.
5. Паранук К.Н. Фольклорные традиции в поэзии И. Машбаша // Проблемы литературы и фольклора. Вып. 4. – Майкоп, 1984. – С.95 – 105.
6. Паранук К.Н. К вопросу о жанровом и стилевом своеобразии адыгейской лирики о войне // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Вып. VII. Майкоп, 1990. – С.66 - 77.
7. Паранук К.Н. Человек и природа в поэзии Н. Куека // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Вып. 8. – Майкоп, 1991. – С. 80 – 91.
8. Паранук К.Н. Добро и зло в творческой концепции Н. Куека (по повести «Черная гора») // Филологический вестник. – Майкоп, 2001. – №3. – С. 35 – 40.
9. Паранук К.Н. Мифологические элементы в рассказе «Тлепш» // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: материалы всероссийской конференции. – Майкоп, 2001. – С. 135-137.
10. Паранук К.Н. К вопросу о фольклорно-мифологических истоках романа Н. Куека «Вино мертвых» // Филологический вестник. – Майкоп, 2002. – №4. – С. 52 – 60.

11. Паранук К.Н. Художественный мифологизм повести Н. Куека «Превосходный конь Бечкан» (мифологемы коня и дерева) // Художественно-историческая интеграция литературного процесса: материалы региональной научной конференции. – Майкоп, 2003. – С. 148 – 151.

12. Паранук К.Н. Полифункциональность мифа в художественных произведениях адыгских писателей (Ю. Чуяко, Н. Куек) // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: материалы международной научной конференции. – Майкоп, 2003. – С. 133 – 134.

13. Паранук К.Н. Хронотоп в романе Н. Куека «Вино мертвых» // Кавказ сквозь призму тысячелетий. Парадигмы культуры: материалы Первой Международной научно-практической конференции. – Нальчик, 2004. – С. 188 – 191.

14. Паранук К.Н. Жанрово-стилевые особенности драматургии Н. Куека // Филологический вестник. – Майкоп, 2004. – № 6. – С. 45 – 51.

15. Паранук К.Н. Неомифологизм романа Д. Кошубаева «Абраг» // Вестник АГУ. – Майкоп, 2005. – №5. – С. 103 – 105.

16. Паранук К.Н. К вопросу о мифопоэтике и особенностях образостроения в современном адыгском романе // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: материалы международной научной конференции. – Майкоп, 2005. – С. 132 – 133.

17. Паранук К.Н. Онтологические основы мифа в изображении русско-кавказской войны (по повести Н. Куека «Черная гора») // Кавказский текст: национальный образ мира как концептуальная поликультурная система: материалы международной научно-практической конференции. – Пятигорск, 2005. – С. 177 – 182.

18. Паранук К.Н. Характер мифологизма в романах Г. Маркеса «Сто лет одиночества» и Н. Куека «Вино мертвых» // Филологический вестник. – Майкоп, 2005. – № 5. – С. 55 – 58.

19. Паранук К.Н. Образ мифологического божества Тлепша и его трансформация в современном адыгском романе (Ю. Чуяко, Н. Куек, Д. Кошубаев) // Филологический вестник. – Майкоп, 2005. – № 5. – С. 49 – 54.

20. Паранук К.Н. Мифологема пути в романе Д. Кошубаева «Абраг» // Концептуальные проблемы литературы: Художественная когнитивность: материалы международной научной конференции. – Ростов н/Д, 2006. – С. 179 – 181.

21. Паранук К.Н. Полифункциональность мифа в романе адыгейского писателя Ю. Чуяко «Сказание о Железном Волке» // Вестник ПГЛУ. – Пятигорск, 2006. – №2. – С. 30 – 34.

22. Паранук К.Н. Мифопоэтика и структура художественного текста в современном адыгском романе (Ю. Чуяко, Н. Куек, Д. Кошубаев) // Вестник АГУ. – Майкоп, 2006. – №1. – С. 210 - 216.

23. Паранук К.Н. Фольклорно-мифологический контекст романа «Сказание о Железном Волке» адыгейского писателя Ю. Чуяко // Образование – Наука – Творчество. – Нальчик; Армавир, 2006. – С. 65 – 70.

24. Паранук К.Н. О мифо-эпических истоках романа Н. Куека «Вино мертвых» // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион (Общественные науки. Приложение). – Ростов н/Д, 2004. – №5 (18). – С. 59 – 66.

25. Паранук К.Н. Художественный мифологизм эпики адыгейского писателя Нальбия Куека // Синергетика образования: межвузовский сборник. – Москва-Ростов-Армавир, 2005. – №4. – С. 181 – 191.

26. Паранук К.Н. Особенности мифотворчества адыгского писателя Д. Кошубаева в романе «Абраг» // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион (Общественные науки. Приложение). – Ростов н/Д, 2005. – №10 (35). – С. 97 – 104. – 0,5 п.л.

27. Паранук К.Н. Мифопоэтика и сюжетостроение в современном адыгском романе // Культурная жизнь Юга России. – 2005. – №4. – С. 59 – 62.

28. Паранук К.Н. Мифологема одиночества в романах Г. Маркеса «Сто лет одиночества» и Н. Куека «Вино мертвых» // Синергетика образования: межвузовский сборник. – Москва – Ростов – Армавир, 2005. – №2 (7). – С. 121 – 125.

ПАРАШУК Кутас Нуховна

**МИФОПОЭТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ МИРА
В СОВРЕМЕННОМ АДЫГСКОМ РОМАНЕ**

А в т о р е ф е р а т

Подписано в печать 05.06.2006 г.

Формат бумаги 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 2,25. Заказ № 719. Тираж 130 экз.

Издательство МГТУ

385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191

